- культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 мая 2005 г. ч. 1. - Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2005.
3. Батурина Т.В., Батуринов С.П. К вопросу о культурно-просветительской деятельности Русской православной церкви в Сибири в пореформенный период/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ. – 2011, №7. – С. 32-37
 4. Батуринов С.П., Батурина Т.В. Конфессиональный фактор крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX века/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ. – 2014, №1(13). – С.63-67
 5. Батуринов С.П. Государство и православная церковь в колонизационных процессах Сибири на рубеже XIX – XX веков/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2017, №1(17). – С. 132-140
 6. Емельянов С.М. История католической церкви в Восточной Сибири (начало XIX в. - 1917 г.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Иркутск, 2002.
 7. Задворный В., Юдин А. История католической церкви в России. - М., 1995.
 8. Масяж В. Поляки в Восточной Сибири 1907-1947 гг.) - Автореф. дисс... д.и.н. - Иркутск, 1995.
 9. Недзелько Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири 1881-1918 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Новосибирск, 2001.
 10. Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи 1897г. - СПб., 1901.
 11. РГИА, ф. 821.
 12. Ханевич В.А. Сибирские ксёндзы // Сибирская старина. - 1995. - № 9.

Батуринов С.П.

Православие в повседневной жизни сибирских крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX веков

*ФГБОУВО РЭУ им. Г.В. Плеханова
(Россия, Кемерово)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-479

idsp: ljjournal-06-2020-479

Аннотация

Данная статья посвящена роли Русской православной церкви и религии в повседневной жизни крестьян-переселенцев Сибири в конце XIX – начале XX вв. Именно в этот период наблюдался процесс массового переселения в Сибирь крестьянских масс из Европейской России, сопровождавшийся активным строительством церквей в переселенческих поселках, ростом числа приходов и прихожан. Вопросы веры и вероисповедания стали для переселенцев фактором идентификации, формирования у них базовых ценностей и форм самосознания. Домашняя молитва, как и посещение церкви, органично входила в духовно-нравственную жизнь мигрантов. В действительности религиозность крестьян была очень цельной, слитной с их образом жизни. В период колонизации Сибирского края христианство явилось основой развития культуры русского народа и помогло сохранить культурным и духовным традициям даже при самых серьезных испытаниях. Церковь способствовала объединению Сибири и России, создав духовные основы для этого единства.

Ключевые слова: религиозность, ортодоксальное христианство, «народное православие», переселение в Сибирь, Русская Православная церковь, приход, приходское духовенство, богослужение, мигранты.

Abstract

This article is dedicated to the role of the Russian Orthodox Church and religion in the daily life of the peasant- migrants of Siberia in the end no-load condition – the beginning KHKH of the substances Specifically, was during this period observed the process of the mass migration into Siberia of peasant masses from European Russia, which was being accompanied by the active building of churches in the migratory settlements, by an increase in the number of arrivals and parishioners. Questions of faith and religion became for the

migrants the factor of identification, formation in them of base values and forms of self-consciousness. Domestic prayer, as the visit of church, organically entered into the spiritual-moral life of migrants. In actuality the religiosity of peasants was very one-piece, coalescent with their means life. In the period of the colonization of Siberian edge Christianity was the basis of the development of the culture of Russian people and helped to be preserved to cultural and spiritual traditions even with the most serious tests. Church contributed to the association of Siberia and Russia, after creating spiritual bases for this unity.

Keywords: religiosity, orthodox Christianity, “people orthodoxy”, migration into Siberia, the Russian Orthodox Church, arrival, parochial clergy, divine service, migrants.

Как известно, духовная сфера и, особенно, религия - важнейшие составляющие жизни любого этноса, определяющие его миропонимание и мироустройство, его ментальность и особенности психологии. Именно религиозное сознание выступает ведущим фактором социальной динамики, воздействуя и на человеческую личность, и на общественное устройство, пронизывая все стороны жизненного уклада, накладывая отпечаток едва ли не на все формы жизнедеятельности людей. Особое значение история религиозного сознания приобретает в современный период, что объясняется необходимостью поиска консолидирующей национальной идеи, утраченной в условиях социокультурных катаклизмов XX века. Прочность религиозных чувств и представлений, сохранившаяся в общественном сознании, может выступить гарантом восстановления и воссоединения социума, а исследование факторов и механизмов их развития позволит определить историческую обусловленность и жизнеспособность соответствующих консолидирующих общество практик, программ и методик.

Новый этап развития гуманитарного знания характеризуется общей переориентацией исследовательского мышления, переосмыслением исторических явлений и процессов, методов их изучения. Предметом изучения ученых-исследователей выступают, главным образом, социальные представления и психология масс, менталитет и ментальность, символы и ритуалы, идеалы и ценности, язык и массовые действия, практика повседневных отношений и быт, поведение людей и их верования на определенном этапе исторического развития [12, с.156-164]

В этом отношении большой научный интерес представляет изучение религиозности многонационального и поликонфессионального крестьянского населения, переселившегося из западных губерний России в Сибирь и сумевших при этом не только не утратить своей идентичности, но и упрочить влияние Российской государственности на огромных просторах Сибири, что подтверждает и имеющаяся историография вопроса [1-4]

Господствующей религией в Сибири к началу изучаемого периода было православие, что видно из таблицы. 1. [9, с.96]

Таблица 1

*Распределение населения в Сибири по главным вероисповеданиям
(в % всех жителей) по данным переписи 1897 г.*

Православные с единоверцами и старообрядцами	Католики	Протес- танты	Прочие христиане	Магоме- тане	Иудеи	Прочие нехристиане
91,14	0,60	0,28	0,01	2,20	0,6	5,13

В целом по России процент православного населения составлял в это время 66,9. В Сибири же они составляли наибольший процент из ее географических частей - 91,14, а в Западной и того больше - 94,99%. [9, с. 105-109]

На основании вышесказанного видно, что важнейшую роль в социальной адаптации мигрантов сыграло православие и Русская православная церковь в силу их подавляющего численного превосходства и всесторонней поддержки государства.

Абсолютное большинство земледельцев Европейской России в рассматриваемый период считало себя православными. При переселении в Сибирь, они увозили с собой и православные реликвии (иконы, кресты, церковную литературу). «Я, раб Божий» - было обычным самоназванием крестьян.

Мигранты испытывали большие трудности в связи с переселением и водворением их на новых территориях: суровый климат, зачастую настороженное и даже враждебное отношение старожильского и аборигенного населения, невозможность отправления религиозных нужд, в связи с отсутствием или отдаленностью православных храмов, огромные расстояния между населенными пунктами и др. Эта новая реальность, с которой столкнулись переселенцы в Сибири, вселяло в них «страх за будущее».

Становится понятным, почему мигранты первым делом ставили вопрос о строительстве и содержании церковных храмов в местах водворения. Воспитанные в духе православия они и на новом месте не представляли своей жизни без церкви. В таких удаленных от культурных и религиозных центров переселенческих поселках крестьяне почти сразу же обращались к властям с просьбой о строительстве церквей. Сохранились многочисленные прошения крестьян об открытии в переселенческих поселках церквей, направленные в различные инстанции. В них крестьяне мотивировали свои просьбы невозможностью отправлять религиозные нужды - крестить новорожденных, отпевать умерших, освещать жилища, венчать новобрачных в связи с отсутствием в их поселках культовых учреждений. «Значительная часть семей...живет в плетневых и земляных избах, все домохозяева в долгу у казны...а между тем есть духовная потребность...в воспитании религиозно-нравственного чувства наших детей и посильное научение их грамоте, - пишут крестьяне Ильинского сельского общества Кулагинской волости Тюкалинского уезда. – Невыносимо тяжело жить, не слыша кругом себя церковного благовеста и не имея у себя благоустроенной школы» [14, с. 108].

Надо отметить, что мигранты сами, не дожидаясь помощи от государства, по мере своих материальных возможностей прибегали к единовременным целевым сборам пожертвований на постройку православных храмов и школ. Как свидетельствуют архивные документы, крестьяне «с радостью» жертвовали последние копейки на Божье дело. Зачастую они копили деньги годами, всем поселком на постройку церкви. В Барнаульском уезде, десятки приходов открывались исключительно на местные средства. Крестьяне Ново-Славянского сельского общества Мало-Песчаной волости Мариинского уезда по приезде походной церкви «немедленно отделили за свой счет небольшой дом и купили богослужебные книги, а также купили в соседнем селении готовый дом и амбар не дожидаясь помощи от казны. Затем перевезли их к себе и поставили по указанию священника на удобном месте, прирубили к ним завозню и конюшню, словом сделали полную квартиру для священника, что обошлось им в 800 рублей» [6, л. 35] . Подобных примеров множество и это лишнее свидетельство религиозности пришлого крестьянского населения. Вместе с тем, решить проблему нехватки храмов и причтовых домов в переселенческих поселках Сибири за счет средств мигрантов не представлялось возможным в силу отсутствия у них достаточных финансовых средств.

Анализируя крестьянскую религиозность, надо иметь в виду, что даже в начале XX века сеть церквей в Сибири была значительно реже, а церковное влияние на сознание людей гораздо слабее, чем в Европейской России. Безусловно, подавляющее число сибиряков были верующими. Но их вера отличалась от канонов Русской Православной церкви. По свидетельству сельских священников, катехизические поучения не находили отклика у крестьян, в то время как чтение Священной истории они выслушивали с гораздо большим вниманием в силу ее занимательности и доходчивости. В силу своей доверчивости и любознательности крестьяне были уверены в реальности библейских сюжетов, находили в них богатую пищу для

размышлений и толкований. Вместо обычного календаря счет времени крестьяне вели по церковным праздникам: от Покрова до Казанской, от Казанской до Заговенья и т.д. По религиозным праздникам рассчитывался и сельскохозяйственный цикл, в который укладывался весь хозяйственный быт крестьян. Особое место в традиционном хозяйственном укладе крестьян отводилось святым. Каждый святой нес определенную функциональную нагрузку, они считались покровителями различных домашних животных. Так, например, Фрол и Лавр считались заступниками лошадей, Модест и Власий – коров, Кирик и Улита – кур. Одним из главных святых считался Николай Угодник, к его защите прибегали особенно часто в различных жизненных обстоятельствах. Крестьяне относились к святым весьма прагматично, рассчитывая на их помощь в конкретном деле. Религиозным праздникам присваивались имена святых, а самим святым – определенные характеристики, связанные тем или иным видом хозяйственной деятельности или распорядком сельскохозяйственных работ. Еремей – запрягальник, Алексей – теплый, Анна – рассадница и т. п.

Русская Православная церковь, стремясь к распространению ортодоксального православия среди крестьянства, обязала священнослужителей сопровождать воскресные богослужения чтением поучений, составленных и отпечатанных централизованным порядком, не допуская их свободной интерпретации.

Следует сказать, что несмотря на некоторые отклонения от церковных правил, приверженность православию была для крестьян – сибиряков, как и в центральной России, необходимым и естественным состоянием. Слово «нехристь» считалось однозначно ругательным, крестьяне никогда не начинали ответственного дела без молитвы, а в особо важных случаях - при строительстве дома, тяжелом заболевании, старались непременно отслужить молебен, в случае стихийного бедствия надеялись на помощь крестного хода. К крестному знамению крестьяне прибегали при совершении молитвы, предохранении себя и животных от нечистой силы, от грома и молнии, во всех прочих сложных ситуациях, требующих божьего заступничества. Крещение детей, отпевание умерших считалось в крестьянских семьях необходимым и важным делом. К иконе крестьяне-сибиряки относились с особым почтением и трепетом, ей приписывали многие чудесные свойства: ее обносили вокруг горящего дома чтобы унять огонь, ею благословляли, с ней переходили в новое жилье. В понимании крестьян иконы придавали святость переднему углу и всему дому, недаром, уходя из старого жилища в новое, хозяин в опустевшем доме кланялся переднему углу в пояс, хотя там икон уже не было. Народная практика фетишизации икон, особенно чудотворных, не противоречила церковной. Обязательный обряд отпевания умерших, принятый в центральной России, не допускал отпевания после похорон. Священники и епархиальное начальство Сибири, в общем, снисходительно относилось к отпеванию умерших после похорон, поскольку своевременное отпевание часто было невозможным из-за отдаленности населенных пунктов от церквей.

Православные посты, как правило, строго соблюдались переселенцами. Но, как отмечали местные архиереи, посты соблюдались зачастую лишь с формальной, внешней стороны, а о посте духовном и понятия не имели. В отдельных местностях Сибири допускались забавы и хороводы даже в том случае, если он приходился на Петров пост. Среди крестьян имели хождение различные списки (в виде фольклорных образцов обращения к высшим силам), которые назывались «молитвами». Эти списки переписывались и хранились рядом с православными молитвами, от них ждали обещанной благодати, с их помощью надеялись снискать божью милость и обеспечить себе отпущение грехов. Разумеется, эта традиция не имела ничего общего с официальным православием. В крестьянском сознании произошло смешение заговора и молитвы, оно выразилось не только в одинаковом их названии, но и в том, что некоторые настоящие церковные молитвы приобрели в глазах народа заговорный характер. Крестьяне-сибиряки в массе своей не видели разницы между заговором и молитвой, называя то и другое «святые слова».

Безусловно, прав известный историк религии академик Н.Н. Покровский, который считал, что основное отличие народной мысли от официально – церковной заключается в непосредственном обращении заговора к потусторонним силам, без помощи церкви, священника. Он указал на противоречащее ортодоксальному христианству примитивно – потребительское отношение сибирских крестьян к божеству, а также на то обстоятельство, что использование церковных имен в заговорных «молитвах» официальной церковью осуждалось [11, с. 123-124, 127]. В деле распространения заговоров большую роль играли сложившаяся традиция и доступность источника (народная память), знакомство же с настоящими церковными молитвами для многих сибирских крестьян было часто затруднительным, в силу отсутствия религиозной литературы. Поэтому крестьяне часто искажали молитвы при чтении и не всегда понимали их истинного смысла.

Таким образом, сложившееся представление о праведной жизни у земледельцев–сибиряков включало усердное посещение церкви, соблюдение постов, чтение или слушание «слова Божия», почитание родителей и стариков, как труд для «святого дела» во спасение своей души понималось посильное участие в церковном строительстве. Из сказанного следует, что представление о добродетели у крестьян ограничивалось сравнительно узким кругом норм, связанных с христианским культом, причем с внешней, обрядовой его стороной. Но при всем различии представлений официального православия и верований крестьян-сибиряков о личном благочестии, коллективный духовный опыт народа определял все поведение переселенцев вплоть до начала XX вв. В нравственном идеале крестьян христианская трактовка любви, добра, милосердия находила применение в каждодневной хозяйственной и бытовой деятельности, тесно перемежаясь с понятиями трудолюбия и взаимопомощи.

Религиозность крестьян имела еще одно измерение - их отношение к священнослужителям и церкви как социальному институту. О роли личности священника в пастырской деятельности говорилось епархиальными начальниками немало. Однако, по свидетельству церковных документов, в исследуемый период наблюдалось падение престижа самого пастырского сана. Причина коренилась в самих служителях культа, в поступках его представителей, отрицательно действующих на настроения паствы. «Некоторые современные пастыри не за собой ведут мир, а сами бегут за миром, сами стремятся подражать ему - и не только в добром, но и в худом. Вот почему часто пасомые, видя в своем батюшке по всему подобного себе человека, облаченного лишь в рясу, перестают видеть в нем действительного учителя евангельской истины..., а некоторые, особенно интеллигенты, так прямо считают его каким-то почтенным архаизмом, с которым приходится видеться в Рождество и Пасху, припасая для этого закуску и несколько, вовсе не интересных никому, вопросов о богослужении или праздниках» [15, с. 490].

Православное духовенство зависело от государства гораздо сильнее представителей иных конфессий, что, в условиях религиозных свобод, имело пагубные последствия. Высшее духовенство, боясь потерять свои посты, старалось продемонстрировать лояльность к власти. Некоторые архиереи вели жизнь, не подобающую монашествующим, чрезмерно заботились о личных удобствах, об изобилии стола, занимались накопительством. Такие же черты проявлялись и у приходских священников, которые тянулись к окружающему их миру, подражая купцам, чиновникам, ведя их образ жизни. Приходских священников не устраивало, что на селе прихожане расплачивались за церковные требы в основном продуктами сельского хозяйства. Нужны были наличные деньги на обязательное обучение детей, на питание, одежду, предметы домашнего обихода. Для покрытия этих расходов была установлена государственная дотация, составлявшая, однако, всего сто - двести руб. в год [13, с. 36].

Перевод приходских священников на государственную дотацию усиливал их зависимость от государства, превращая в оплачиваемых служащих, но так и не решал

материальных проблем белого духовенства. По мнению многих епископов и священников, иго государственной власти деформировало церковь. К концу изучаемого периода ее моральный авторитет в обществе был подорван. Приходские священники, в большинстве своем материально плохо обеспеченные, бесправные в отношении с местными властями и малообразованные, с трудом выполняли пастырские обязанности. Несмотря на постоянный рост численности духовенства, в Сибири все время ощущался недостаток в кадрах служителей церкви. Особенно остро эта проблема встает в период переселений в ходе столыпинской аграрной реформы. В сибирских епархиях постоянно были вакантные места для священников и псаломщиков. Например, в Омской епархии только в Акмолинском уезде на 1916 г. было объявлено вакантными 12 мест священнических и 46 – псаломщических [10, с. 3].

Епархиальные власти постоянно были озабочены недостатком клира для Сибирских приходов, особенно в переселенческих поселках. Енисейская консистория 23 мая 1911 г. слушала протоиерея И. Восторгова о деятельности пастырских курсов для подготовки священников в переселенческие приходы. Вследствие постоянной нехватки причта в переселенческих селах решено было открыть в ближайшее время и курсы псаломщиков [5, л. 2].

Изучая описание приходов разных епархий Сибири, нередко приходится встречаться с подобными нижеприведенной записи: «Дома для жилья очень неудобны, а в особенности квартира псаломщика, где соломенная кровля от дождей протекает, а от этого глинистый мазаный потолок отваливается глыбами, зимою в этих домах холодно, сыро и угарно» [8, с. 36-37]. Обо всех этих строениях можно сказать безошибочно: что на них не производительно потрачены большие суммы. Саманные постройки через короткое время обращались в развалины. Непрочность, сырость, холод, угар – главные и постоянные дефекты этих саманных построек, воздвигнутых людьми неопытными, незнакомыми с такой доморощенной архитектурой русской жизни.

Приходское духовенство испытывало на себе не всегда доброжелательное отношение мирян. Если к местному храму прихожане относились более или менее внимательно и, если церковь нуждалась в крупной помощи, то по приходам делались на этот предмет сборы. Что же касается поддержания в исправности причтовых домов, то это был самый больной вопрос в большинстве сибирских приходов. Священники жаловались, что на эти нужды прихожане не разрешали расходовать свободные церковные или попечительские суммы.

Вместе с тем, из многих документов видно, что довольно часто священники действительно являлись духовными наставниками, пользовались уважением и авторитетом среди крестьян. Например, Черно-Ануйский священник Стефан Борисов удержал своих прихожан от перехода в старообрядчество, в условиях заразного примера старообрядцев, живущих сплоченного и зажиточно, «материальные соображения» легко могли взять верх над рвением к чистоте веры. Однако увещевания священника Борисова «удерживали их» от этого шага. Тот факт, что слова священника были весомы для сельчан, говорит о немалом его авторитете. Нередко послания священников сопровождали прошения переселенцев об открытии у них в селах церквей и школ. Очевидно, в глазах крестьян письма священников придавали этим ходатайствам большой вес. Так, в рапорте в Томскую Духовную консисторию благочинный второго округа протоиерей Арсений Кикин препроводил на предмет ходатайства приговоры шести переселенческих сельских обществ [7, л. 87-90].

Факты свидетельствуют, что отношение сибирских крестьян к приходскому духовенству было двойственным: они не могли в своей повседневной жизни обойтись без священнослужителя, но и содержать клир уже не желали. Снижению авторитета священства в Сибири способствовали многие факторы, среди которых – недобросовестность и жадность отдельных его представителей, плохая организация церковной службы, недостаток православных храмов и церковной литературы и др.

Таким образом, православная вера была неременным свойством крестьян-переселенцев Сибири, хотя они и не являлись богословски образованными людьми (им доступен был «народный» вариант православия), но домашняя молитва, регулярное посещение церкви, строгое соблюдение постов, исполнение церковных таинств органично входила в их духовно-нравственную жизнь. Православие во многом формировало менталитет крестьянского населения, особым образом переплетаясь с их повседневными нуждами и бытовым поведением. В действительности религиозность крестьян была очень цельной, слитной с их образом жизни и хозяйственным укладом. Именно религиозность, органично присущая переселенцам, стала тем морально-нравственным стержнем, который позволил им не только выжить в суровых условиях Сибири, но и превратить этот край в неотъемлемую часть Российской империи как в хозяйственном так и в культурном отношении.

1. Батурина Т.В., Батурина С.П. К вопросу о культурно-просветительской деятельности Русской православной церкви в Сибири в пореформенный период/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ. – 2011, №7. – С. 32-37
2. Батурина С.П., Батурина Т.В. Конфессиональный фактор крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX века/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ. – 2014, №1(13). – С.63-67
3. Батурина С.П. Государство и православная церковь в колонизационных процессах Сибири на рубеже XIX – XX веков/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2017, №1(17). – С. 132-140
4. Батурина С.П., Батурина Т.В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX веков: историографический обзор/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2015, №1(14). С. 24-34
5. ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4938
6. ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 65
7. ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 130
8. Голошубин И. Описание Омской епархии. Омск.1915, 1250 с.
9. Золотарев А.М. Вероисповедный состав населения России /А.М. Золотарев //Русский вестник. – 1902. – Т. 279. - №5. С. 96-112
10. Омские епархиальные ведомости. 1916. №51
11. Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII-XVIII вв. /Н.Н. Покровский //Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII- начала XX вв. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение: Изд-во НГУ, 1975. С. 119-131
12. Попов С.И. Статус обывателя в философии и социальных науках/Вестник Кем. ГУКИ, 2014, №28, 156-164 с.
13. Римский С.В. Церковная реформа Александра III / С.В. Римский // Вопросы истории. – 1996. - №4. С. 32-48
14. Соловьева Е.И., Константинов Д.В. Деятельность фонда имени Александра III в церковно-школьном строительстве Сибири/ культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 105-114
15. Томские епархиальные ведомости. 1914. №6

Алексушин Г.В., Бахтамаева Е.С.

Особенности торговли хлебом и мукой в дореволюционной Самаре

*ФГБОУ ВО СГЭУ
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-480

idsp: ljjournal-06-2020-480

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности торговли хлебом и мукой, позиции занимаемые крестьянами и купцами на рынке, значение инфраструктуры дореволюционной Самары в торговле хлебом, импорт зерна, привлечение иностранных предпринимателей в Самару для расширения хлебопечения, а так же сниженный урожай 1890 года.